Комиссар протёр усталое лицо руками и поднял тяжёлую голову. Справа выходили на улицу. Голоса, музыка из пуговиц длинных рубашек. Четверо в чёрных джинсах, штаны идеально облегают благодаря встроенной в ткань программе.

Подвижная 3D печать, – подумал комиссар. Он расставил ноги чуть ли не по ширине скамейки, чтобы продемонстрировать собственные джинсы Apple, удачно подчёркивающие мускулы его ног. Старая вэйп-галерея «Картина паром» с её перламутровыми карнизами. Она ждала новых гостей.

За четвёркой вышло две пары – молодые мужчины в беретах, две женщины чуть постарше. Одна без косметики, а другая в ярко-седом цвете волос и глаз от Fixchatten. Она вколола утром специальную краску, и кожа стала бледной, вампирской. *У нас в реальности такое уже возможно? Или это пока проект?* Две пары были вместе уже три года. Они жили около пруда, под соснами, посаженными двадцать лет назад, когда в правительстве почётно было заниматься экологией. Хотя одна из дам смахивала на радикальную феминистку, угрозы от неё комиссар не чувствовал, как, впрочем, и от подобных ей.

Он решил, что в этом месте акции не произойдёт. Комиссар хорошо знал непостижимый алгоритм игры. Люди разбредались по домам, клубам и салонам, кто-то шёл на спортивную арену, кто-то в китайский центр здоровья на стыке ультрамаркетов Boss и Have a good time. *Нет, среди них нет потенциальных агрессоров, психодевиантов, неустойчивых, антиадаптантов, радикальных мусульман, радикальных христиан, радикальных капиталистов, радикальных...* Комиссар встал со скамьи и направился вниз по улице, которая, как река, сужалась ближе к своему истоку в Карнавальном квартале.

Три G-modul стора, два винтажных сервис-офиса, помывка машин, шлифовка памяти, эндорфиновый бар, бар обычный – двадцать видов

водки. Полупериферия города провожала его глазами видеокамер. *Бесконечность выбора. Вот основная фишка? Так, сыграно за раунд уже два года, я успел… успел жениться на проститутке, получить три недели за фиктивные левые взгляды, даже поработать сисадмином деревьев на Штейновской площади, развестись. Не успел… Найду читеров, остановлю радикальную акцию и можно будет вернуться, полковник Николас Карапетян повысит мой ранг, и это отобразится по всем каналам, уже не секретно, а гласно, воочию, всем смертям назло… Вторая успешная миссия Васи Фазера в игре, на меня сейчас смотрят стримеры, делают ставки, я, как когда-то футболисты на поле, ещё один гол, дотянуть до конца второго тайма и всё. Или я арбитр этого локального матча? Кто бот, а кто игрок – уже не разберёшь. Да и важно ли это? Вот Эмма точно была ботом, человек не может играть так топорно, пусть даже тебе там, в реальности, лет пятнадцать, всё равно ты знаешь, что фразу «я тебя люблю» женщине первой произносить не положено, да и мужчине тоже пошловато вообще что-то подобное…*

Карнавальный квартал находился за символической диодной перегородкой. Больше для того, чтобы люди строгих правил случайно не заходили. Одна из немногих удачных попыток перенести европейскую традицию на стоическую, как часто высказывались современники, «внутренне закрепощённую северную ментальность». *Это здесь, в игре, такое возможно, у нас всё равно все по отдельности. Смотрят букой, даже если научились лыбиться и прокачали дружелюбие до 80-ого левела. Но это в реальности, в первичной, так сказать, катке-игре, там до сих пор раздолбанные дороги местами… Зато игры мы делаем лучше всех. Мы творцы, русские, но нам в сотворённом кем-то или чем-то другим мире живётся стрёмно. Недаром у нас отродясь ада не было как такового. Это уже потом завезли. Русский человек знает, что после смерти его ждёт только Ирий – тёплая спокойная страна, мулатки в белых штанах, остров Буян, где можно бесконечно буянить на пару с Вакхом и валькириями. А где же ад, ты хочешь знать, хоуми?* – обратился комиссар к некоему выдуманному человеку, с которым всегда вёл мысленные беседы, отчего и мысли его носили удушливый риторический акцент. Расплывчатый образ комиссарова собеседника был чем-то средним между его давней любовью Юлией и начальником секретной игровой полиции Николасом Карапетяном. *А вот здесь, перед твоими глазами, он и находится! Ирий только внутри, только вывернув свой Ирий наизнанку, вынув, выкинув его из себя, мы можем изменить ад к лучшему. Хотя проще же ведь уйти в свой внутренний Ирий? Так мы и делаем, но я-то получу на свой биосчёт 60 000 универсальных единиц за этот длительный уход. Играем по-крупному от слова «круп».*

Под ногами лежали использованные смартшоты. Комиссар вспомнил, как в его слишком реальном детстве в подъезде точно так же попадались героиновые шприцы. Он аккуратно перешагнул забор, обойдя по-ретроградски казавшуюся ему не смешной, но кощунственной церковь Святого Пастыря Андрея Малахова. Из её окон, загримированных под глаза Саурона, доносились кичливые споры. Фосфорические смайлы давили на темноту, отбирая у неё территорию.

Высокий и мускулистый, серьёзный, на грани суровости, немного монгольской внешности, комиссар казался участникам Карнавального квартала бронзовым памятником смерти, которая вдруг однажды взяла

да и сама умерла. Он облокотился на фаллосовидный столб и закурил, потому что искренне думал, что ему так положено по его комиссарской доле и ежедневно доставал ядовитый антикварный табак на Медведевском рынке аутентичных товаров.

Вычленить «опасных субъектов» из гущи людей не мог даже намётанный глаз. Завинченный галстук мостов над головой, цветы, обвивающие дома, Клуб толстяков, отмечающий здесь барбекю и сладким пивом каждую пятницу, школьники, переодетые солдатами времён последней войны на Ближнем Востоке – когда-то у комиссара болела голова от такого количества символов, людей и цветов, но теперь он уже привык и спокойно курил, следя за танцами левитаторов-любителей. *Сколько же бабок они за это отваливают?* В воздухе, возле окна спортивной площадки, появился баннер и тут же исчез. Комиссар не успел уловить его содержание – он бесплодно высматривал потенциального читера-радикала. *Они будут действовать именно в этот день, именно в этом городе, на этой улице...*

Встроенные в мочки наушники не спасали от разноголосого пения и острой неодекадентской музыки из ближайшего лицедейского ресторана. Мимо стенда с указателем развлечений пронёсся двенадцатилетний мальчик в огромных перьях. Воздух был сладковатым на вкус, комиссар почесал лоб, потрогал свой светлый ёжик, улыбнулся, словно на камеру. Просунул окурок в урну для пищевых продуктов, хотя в душе всегда полагал, что сигарета больше подходит к разделу «бумага», но поступал в этом отношении так, как поступали все те немногие, кто ещё курил сигареты.

Он двинулся в глубину Карнавального квартала, под эрогенные песни без слов и аутентичных музыкальных инструментов. *Я восхищаюсь игрой – она продумана несовершенно. По крайней мере, её популярность… оправдана? Да. С тех пор как в реальности развитых стран исчезла проблема голода и жилья, многие поигрывают. А что ещё делать? Даже больше чем четыре часа, установленных законодательно. Нелегальные неоказино, все дела… вспоминая интернет-передачи реальности. Заморозка через биопровод, универсальные датчики головного и спинного мозга… это у меня безлимитка. Ведь я ищу читеров? Знать бы ещё самому хорошенько, кто это такие. У игры столько патчей. Читеры косят под городских психопатов, террористов из периферийных стран, антиглобалистов. Всё, всё как в реальности. Нет никакого интерфейса, у меня, как у особого игрока, как у арбитра, нет даже выхода в главное меню… вернее есть, конечно, но я забыл, какой мозговой импульс… Я не могу выйти просто так, такая работа. Тем паче несовершенство? Жизнь, в которой можно начать всё заново. Вот суть игры, которой я служу. Тот полуголый босяк. Почему не записался в евразийцы с такими стартовыми показателями? Прошмыгнул мимо, вот он как ни старается играть в карнавалиста, нет, он всё же обычный русский паренёк, ему на Крещение да в прорубь, да в лодку, с молодкой, с водкой, с солёным огурцом, заквашенным на чесночном рассоле. Хочу трапезничать. Крафтовая шаурма, вот что мне действительно сейчас нужно.*

Комиссар протиснулся мимо остановки праздничных трамваев, спускающихся с неба и уходящих под землю так же бесцеремонно, как менялись ароматизаторы улиц. *Вот здесь явно недоработка, сколько ни нюхал, они не похожи на настоящие, запах синтетический, слишком аляповатый. Или это снова несовершенство, задуманное разработчиками?* – подумал

комиссар, подходя к автомату с крафтовой шаурмой. *Мини-конвейер с шаурмой «хэндмэйд». Ирония? Никогда не задумывался, сколько живу, играю.* В те дни она была особенно популярна, к августу того года зафиксировали пик продаж. Потом это стало популярно до тошноты, и о крафтовой шаурме забыли, как это обычно происходит. Комиссар положил монетку достоинством две универсальных единицы, посетовал на глупую программу и после пары дежурных гудков автомата достал пакет с едой.

В реальности похожие штуки тоже были, помнится. Последний раз Карапетян писал в чат две недели назад. Вчера на киберлинзах отключили Интернет за неуплату, как следствие, и от чата. Они и так слишком часто запотевали, наверное, это из-за того, что я держал их в спирте во время сна… Сложный уровень игры предполагает проблемы с деньгами, могли бы дать гандикап как особому агенту. Но ведь правило – это отсутствие читов для всех? Да. Так нельзя. Моё бремя. Нет, глупо ждать особых указаний. По сути, даже читеры, своеобразные нарушители, те, кто под ролями безумцев выводит обычных игроков в реальность. А ведь цивилы деньги за это платили. В игре легче протестовать, чем в реальности, ещё бы! Сколько я сэкономил игровых страховок? Комиссар уселся в кресло-хамелеон, чтобы дожевать крафтовую шаурму. Банановый соус таял во рту, открывая вкусовую тропку халяльной баранине. Кресла-хамелеоны, подвижные резиновые кораллы, располагались возле самого большого клуба Карнавального квартала. У нейродрева припарковались самураи-велосипедисты, пили воду и специальные энергетики. Чуть поодаль водили хоровод молодые ребята. Один, в образе Сталина, рассказывал анекдоты, другой уверенно изображал Боудикку, многие наряжались в M&M's – драже пользовалось успехом на маскарадах. *Никогда не понимал, зачем устраивать карнавал в карнавале? Николас болтал что-то про многослойность, так глубоко я в этот отстой игрового мира не лезу. Хотя, с другой стороны, игра больше чем карнавал, конечно же. Это наша маленькая хитрость, возможность наконец-то побыть тем, в кого мы долгие века так безуспешно верили. Героями и богами. Тут я комиссар, а там просто сисадмин бесконечных конференций в бесчисленных мессенджерах. Работаю не по специальности к тому же. Но как же я задолбался быть тут героем и комиссаром.*

Генри Киссинджер танцевал лезгинку с полуголой Гермионой так долго, что чуть не споткнулся об аутентичный фонарный столб. Если бы Киссинджеру стало плохо, долгом комиссара было бы вмешаться и оттащить беззаботного наркофана за звёзднополосатый галстук в ближайшее медкафе. *Люди не должны покидать игру помимо своей воли, просто так терять очки, жизни. У них у всех есть интерфейсы… да. Где ещё жестокий Эрос окончательно станет добреньким Амурчиком, а Танатос – непредвиденными расходами? Там нет, там все ждут Сингулярности, как Мессии, но это так же глупо, как поклоняться Сфинксам, Колоссам, молиться на написанные суровым дядькой-аскетом иконы…*

Кресло обволакивало, шаурма приятно таяла на языке. *Чёрт, я забыл передать показания хоста в коммунальные службы. Теперь мне сеть точно не подключат, да и домашнюю еду вырубят. Кретины.* Комиссар случайно посмотрел на небо, и оно показалось ему красивым, хотя там ничего не было, кроме мрака. Подсветку убрали в целях таинственной безопасности. *Как всегда, эти чиновники.* Хоровод перед

клубом «Красавица и Чудовище» был в самом разгаре. Сталин плясал в центре круга, благодаря тому, что костюм его был новейший, запрограммированный на команды усилием воли, он мог смачно шевелить усами, не прекращая двигаться. Потом Сталин достал ППШ и стал расстреливать из него остальных участников карнавального хоровода. Боудикка упала первой. Последовали окрики тех, кто понял, что это не шутка. Разворачивающаяся картина стала похожа на отрывок из первородного кинематографа. Киссинджер захрипел, перебивая и выстрелы, и музыку. Комиссар почувствовал запах чего-то отвратительного. *Аутентичный ППШ!* – наконец понял он, достал пистолет и направился останавливать радикальную акцию читера.

Вот оно, вот! Сколько же я вас выслеживал. Ну всё. Стримьте внимательней.

Сталин сжимал автомат в руках, больше не шевелил усами и выглядел серьёзно, даже подавленно. На комиссара он смотрел с удивлением.

– Отправил уже мусорам свой сигнал, дылда? – спросил Сталин, беспокойно оглядывая освещённые бирюзовым светом фонаря трупы.

– Ты выбываешь из игры за читерство, – ответил комиссар, направляя на гримированный лоб Сталина маленький красный светлячок пистолета.

Сталин поднял бровь. Глаза тихо слезились от ветра и напряжения.

– То есть ты собираешься пристрелить меня игровым Гуглганом? – спросил он и, не дожидаясь ответа, выпустил остатки магазина в живот комиссара, посмотрел вверх, отдал честь куда-то в темноту. Комиссар отключился быстро, ничего не почувствовав. В момент дикой боли транквилизаторы сами потекли по телу. *М-да, многие же забывают… этот последний патч, как часто я про него забываю…* – только и успел он подумать.

Ароматизатор, выходящий незримыми парами из-под асфальта, сменился с «Хвойного леса» на «Ирландский паб». Старательно не обращая внимания на восемь трупов, образовавших на уличном газоне почти что правильную пиктограмму, Сталин направился в клуб, чуть заметно дёргая правым глазом. Ему хотелось в туалет.

Охранники, сутулые от непробиваемых скафандров, уже ждали его. Сталин приложил золотую карточку VIP-клиента – стеклянная стена исчезла. Он вошёл с поднятыми руками, учтиво поздоровался и сказал обречённо, однако всё же бодро, с псевдокавказским акцентом:

– Мы все топливо в пожаре революции.

В последний раз Сталин смотрел на стены родного клуба «Красавица и Чудовище». Карнавальный квартал всегда был его любимым местом. Прежде чем вождя успели скрутить, он раскусил эвтаназийную колбу «Момент» и сомкнул веки. Два охранника, один в костюме красного Халка, а другая в облачении Натальи Морской Пехоты, переглянулись и угрюмо перекрестились по хипстерскому обряду.

* * *

Василиса уже дремала, когда её экстренно вызвали в больницу. Всеобщий выходной всегда был опасным днём. Благодаря роботам, в такие дни никто не работал. А когда никто из людей не работал, среди них неизбежно возникало насилие. Оно приходило само по себе и говорило тихое «привет», как в бородатом анекдоте про вежливого лося, вынимало пробку и желало доброго вечера.

Двое любимых спали на другом конце кровати. Алекс ушёл на ночную выставку. Василиса мирно одевалась в тёмной зале, не включая ни свет, ни приложение для помощи в быту. Она хорошо видела в темноте.

Бот, как обычно, ничего не уточнил. Сказал только, что нужен человек, и добавил шутливое: «Вася, прикинь, там одного убитого тоже зовут Вася!»

Вася ненавидела своё имя. Стоя перед зеркалом, она вспоминала одного из виновников своей жизни – отца-краеведа, который был знаменитым пьяницей и мог попробовать все сорок видов водки в баре «Достопочтенный каторжанин». Как только он узнал, что у него будет девочка, то сразу решил назвать дочь в честь Василисы Прекрасной. Потом он пил, потому что народные сказки умерли, и умер сам. Его дочь родилась в эпоху смерти собирателей сказок.

Вася не торопилась, одевалась медленно. Голая, она, как и всегда, начинала с носков. Ей было абсолютно всё равно, успеет ли она кому-то помочь в медицинском пункте. *Алекс вернётся. Завтра. Так. Оззи, надо напомнить. Где моя расчёска. Послезавтра идём на свадьбу Милы и Якова. Вот она. Так, всё. Ухожу. Всем пока. Ключи. Ключи. Вот. Сейчас немного напрячься. Этот поток дел сам меня унесёт. Ботиночки. Никаких завтра поездок на Холмы. Потом куплю себе перчатки. Алекс поймёт. Пусть втроём едут. Я буду спать. Так всё, всем пока. Четыре часа этого гноя и снова отдыхать.*

Вася вышла из дома хмурая, холодная и нервная. Вышла в пальто, старом свитере, мятых штанах и без косметики. Она всегда так одевалась, во многом чтобы не соответствовать своему имени. *Кровельщики, юристы. Как же они заколебали.* Штамп «Василиса Прекрасная» ненавидела со школы, противостояла ему, и борьба с клише, которое было частью её имени и жизни, борьба всегда присутствовала в её характере и поведении, во всём её существе. Детям необязательно было даже знать сказку, чтобы найти смешным двойное имя.

Метро в экологическом районе ленилось работать по ночам, поэтому Вася сразу пошла пешком. До пункта медицинских операций было не так далеко.

Кровельщики, юристы. Как же вы меня достали. Вот только позвоните завтра со своей… Конечно, ничего не ходит. Я прождала бы до утра. Здесь ничего не меняется. Сделали метро универсальным... Шире, чем главная пешеходная, а всё так же мало проку. И помойки воняют. Хоть разделяй ты мусор, хоть нет. Даром что бомжам удобнее. Крыши, крыши. Были серые, стали жёлто-розовые. Теперь зелёные дома. Шаровидные. Ничем не лучше. Быстрые стройки, а результат отвратительный. Во всём нет ни капли… Оззи, оставил бы ты эту идею. Нечего ему делать в политике. Трупоедство.

Кроссовки беззвучно ступали на мягкий асфальт, впитывающий влагу. Вася прошла несколько старых дворов, срезала путь через пёстрые детские площадки. *Зачем сделали освещение. Никто не ходит по дворам. Одни старики.* Спиралевидная крыша небоскрёба осталась позади. Около ночного бара сидели двое измученного вида парней и пили пиво, словно пытаясь заглушить монотонное гудение серверов, расположенных у кредитных автоматов в ангаре напротив.

Вдали маячил силуэт пункта медицинских операций. До рассвета оставалось недолго, и запах ночи смывался будничным ароматом обуви, чеков и людей, говорящих с собой и набирающих в воздухе видимые только им символы. *Надо маме позвонить всё-таки. Завтра.*

Хотя она сама могла бы. Но нет же, гордый амбициозный дизайнер… живущий в деревне.

У ворот больницы Вася почувствовала на голове что-то липкое и сырое, но тёплое. Она потрогала свой мужеподобный ёжик. *Так. Ждите. Я сначала в душ.* Кто-то выкинул из окна надземного поезда недоеденную овсяную кашу. *К лучшему.*

* * *

– Переоделась бы хоть для виду. Я уже всё сделала за тебя, пока ты мылась.

Так и было задумано, дурочка. Спасибо той свинье.

– Мне жаль. А может, и нет.

Игритт посмотрела на Васю, Вася посмотрела на Игритт.

– Ну ты и мракобес.

– А ты лох.

Вася сидела в кабинете за столом и играла с архаичными хирургическими щипцами. Игритт, высокая носатая блондинка в халате и перчатках, делала себе инъекцию серотонино-коаксилового естественного заменителя.

– Да там делов было, программу загрузить да отследить пару моментов, – сказала она, – зачем мы им нужны, непонятно.

Наркофанка, тоже мне. Колоть себе безопасный скекз вместо опия. Как вэйпинг времён моей молодости.

Они помолчали. Вася отхлебнула кофе и поправила чёлку. Игритт откинулась на спинку кресла, отложив шприц-пистолет на стол. Вася заметила, как интернет-линзы Игритт слегка запотели.

– Зато я с женщинами не сплю, – улыбнулась наконец Игритт, – и у меня дети свои только будут. Да и скекз безвреднее бухла старомодного.

– И то и другое, на мой взгляд, большое твоё упущение. А про бухло особенно, – сказала Вася, – мне поговорить… ну с тем, которого вернули?

– С Васей то? Гыгык!

Вася злобно похлопала в ладоши. *Шутка отстой.* Казалось, что колбы и электроинструменты в комнате вбирают в себя мокрый звук её пухлых ладоней.

– Ну не мне же, вмазанной, с ним беседовать, – заключила Игритт.

Вася оставила её трястись от сомнительного удовольствия, а сама направилась в палату к одному из тех, кого удалось вернуть к жизни. Полицейские уже уехали, и медицинский пункт виделся ещё более стерильным из-за пустоты, коридорного эха и салатовых потолков. Вася была довольна, к её приезду вернули жизнь семерым из восьми. Террориста, конечно, не стали. Самоубийц было запрещено.

Так, так. Давай. Вспоминай про этого чухана. Разбужу Оззи с Машей и заставлю… Картотека. Винотека в среду уже… Так, его зовут Василий Сергеевич Фазер. 2003. Значит, мы ровесники почти. Так, так. Нет, скекз вообще беспонт. Стоп. Этот чудила из философов. Гуманитарий, значит. Бате привет на тот свет, которого нет! А, так он из поехавших. Из игроков. Понятненько. Третий раз вернули уже. Бедные люди. Зачем только придумали. Мало нам идейных психов. Как этот с доисторической винтовкой. Так ещё эти крокодилы. Игра запрещена. Копирует наш мир. Что может быть унылее. Но в неё продолжают играть. Уже в мире. И свято веруют. Чучело. Скорее бы домой. Этому реабилитацию,

ой, Маша… Дома зелёные, ага. Жить стало лучше, жить стало веселее. Каждую неделю подпольных игроков ловят, а бестолку. Каждую неделю какой-нибудь попутавший такой ставится под пулю с резиновым пистолетиком. И ведь они вычисляют других психопатов. Эти почти каждый день. Кажется, у них даже договорённость. Надоедает парню работать, жить, и вот он уже с пушкой наперевес. Нормальная тема. Девчонки тоже. Естественный отбор по принципу психологической устойчивости. Неважно, под каким флагом убиваешь и умираешь. Опущенные, че. Сам процесс. Устойчивости к этому говну, в котором мы живём. В этом вся соль. Соль, ага. Мама, чёрт… Быть устойчивым к говну. Ой, ну ты и дылда, мать твою…

Вася просканировала пациента и села за стеклянный столик, пристально его разглядывая. Фазер остался на длинной кровати. Ему очень хотелось накинуть капюшон, завернуться в толстовку, лечь на бок к стенке и уснуть.

– Я вас сегодня видел.

– Зря.

– Вы красивая. Вас неспроста так зовут.

– А вы – дебил. Ещё раз сделаете мне комплимент, пойдёте к Игритт, она вдолбит вам эвтаназепам, и мы спишем на самоубийство.

– А я и не против, – голос у Васи Фазера заметно дрожал, словно так плохо ему давно не было.

– И ни один клерк по защите прав животных, – подмигнула Вася, – … Ну вы поняли, это я вас имею в виду под животными… Короче…

– Что-то у вас с этикой не так.

– В рот я пёрла этику, как и всю систему здравоохранения.

– Деваться некуда?

Да, да. Сейчас выложит всё. Вот этот отстойный трёп прокатывает, – подумала Вася.

Но пациент молчал, опустив голову. За окном проехало метро, и палата завибрировала. *Классика новых технологий,* – проворчала про себя Вася.

– Вы понимаете, что вас ждёт реабилитация? Эта игра, с которой запутались вы и не только вы… попробуйте избавиться от неё в ходе оздоровительных процедур. Виртуальная реальность нереальна. Парадокс, но всё же.

Собеседник молчал, почти не шелохнувшись. Вася начала писать отчёт, включив линзы. Снизу доносились голоса человеческого персонала.

– Вы знаете, знаете в какой раз меня пытаются реабилитировать? – спросил он наконец с надрывом в голосе.

– В третий? – насмехаясь над очевидностью вопроса, уставилась на него Вася. *Почему я делаю это вместо бота?*

Фазер снова промолчал. В палате было слишком ярко, и он щурился.

Вася закончила отчёт.

– Мы снова подключили вам линзы, чтобы знать ваше местонахождение. Знаете, мой вам совет… В следующий раз, когда будете нарываться на радикалов, берите нормальный пистолет. И стреляйте, стреляйте, не думая арестовывать вашего «читера».

Мрачный Фазер лёг на кровать, осторожно вытянув длинные ноги.

Искать их у вас получается всё равно лучше полиции. Вот только вы обычно промахиваетесь. Даже когда стреляете. А они нет. Они всегда знают. Умеют.

Когда линзы Фазера подключились, Вася попросила его заполнить и переслать ей несколько документов. Потом она собралась уходить.

– Я правда не хочу больше играть, – сказал ей на прощание Фазер, не вставая с кровати.

– Вам повезло, что он попал в живот. Почти бесследно.

Задремавшие шизики. Где найти тут островок… В котором не будет этой всей дряни… Неловкости, двусмысленности, неясности. Бесцельности… И то верно. Разложить дома спагетти. Мозг не выдерживает. Не человек. Игровек. Сколько вас таких ещё будет.

Когда Вася ушла, кровать Фазера приняла удобную для сна форму, и он упал в небытие. Долговязый Вася лежал на спине не ворочаясь, дышал тихо, как мертвец или подводная лодка-шпион.

Проснулся комиссар уже ближе к вечеру, от свирепых гудков, бьющих прямо в «ядро» головы. Это были сообщения от Николаса Карапетяна по гиперанонимной линии хост-моста.

Комиссар налил себе воды из автомата над койкой, почесал ёжик и принялся печатать ответ.

Да, я вёл себя с этим ботом как надо. Не в первый раз уже. Дадут немного очков по болезни. Хотя она, скорее всего, игрок ноумемориформата, я даже не знаю, зачем такую роль выбрала. Извини, что облажался с новыми правилами. Ноумемори-формат стал глобален.

Больничная вода всегда казалась комиссару вкуснее обычной. Она отдавала каким-то особым привкусом не то заботы, не то сочувствия. Хотя комиссар не стал бы утверждать, что именно эти два понятия кажутся ему особенно «вкусными», именно с ними у него ассоциировалась прохладная, бодрящая и умиротворяющая влага.

Всё же хоть и устаёшь быть комиссаром, а в штаб не хочется, – пронеслось у него в голове. Ответ Николаса пришёл через две минуты.

Актёрство за очки всегда отменно тебе удавалось. Слушай, мой друг, у тебя осталось две жизни. Дальше на базу уже только. Не завали следующее, комиссар Фазер. Будем ликвидировать Родиона Раскольникова. Тринадцать убитых, среди них одна политичка. Как получишь от системы ботов все необходимые очки, приступай. И да, не смотри, что у него страсть к холодному оружию. Возьми в этот раз нормальный ствол.

Сделать дело, а там можно уже в реальность, – подумал расслабившийся комиссар, повернувшись на живот. И только лёгкая вибрация от надземного транспорта за окном еле слышно тревожила его сердце.